

РЕЦЕНЗИИ

Десницкая А. В. Сравнительное языкознание и история языков.— Л.: Наука, 1984. 351 с.

Рецензируемая книга А. В. Десницкой — одного из крупнейших наших языковедов — в известной мере является ретроспективой, показывающей развитие концепций автора от исследования генезиса грамматического строя и.-е. языков к анализу истории отдельных языков, прежде всего албанского, и, наконец, шире — к рассмотрению общебалканского ареала и его связей с сопредельными областями.

Первая часть книги, посвященная проблеме образования общиндоевропейской категории винительного падежа и ее связи с развитием категории переходности, открывается обзором типологических исследований советских лингвистов в 30—40-е годы в области становления номинативного строя и.-е. языков. Эта тематика обрела новую силу благодаря работам в области эргативной конструкции предложения, интерес к которой подсказывался практическими задачами составления школьных грамматик для народов Кавказа, в языках которых представлена эта конструкция, а также спорами о возможности эргативного этапа в истории синтаксиса и.-е. языков [1]. Хотя вначале в основу исследований был положен вариант стадильной схемы развития языков, впоследствии отвергнутый, конкретный материал позволил довольно убедительно обосновать проблемы общей типологии предложения (работы А. А. Бокарева, С. Д. Кацнельсона, И. И. Мещанинова, М. М. Гухман, А. В. Десницкой и др.). Об изменениях синтаксиса и.-е. языков от иного типа к номинативному писали А. Мейе, К. Вругмап, Г. Шухардт, К. Уленбек, а позже — Э. Бенвенист и Е. Курилович. В отличие от них советские языковеды тех лет обращались прежде всего к семантической и синтаксической сторонам языковых явлений, а не только к составу парадигм, причем все обобщения делались на основе историко-типологического подхода. А. В. Десницкая напоминает, что, например, В. М. Жирмунский трактовал сравнительную грамматику типологическую как основу сравнительной грамматики генетической (с. 19—20) (см. также [1]).

В 40-е годы у части языковедов сложилось убеждение, что эргативный строй не предшествовал номинативному, а наряду с ним развился из более древнего типа (Д. В. Бубрих, И. И. Мещанинов). Сама А. В. Десницкая выступала против идеи об эргативном прошлом и.-е. языков на том основании, что ее собственные исследования семантики винительного паде-

жа и категории транзитивности опровергали вывод о развитии номинативного строя из эргативного. Автор отмечает, что подобные заключения согласовывались с мыслями А. А. Потебни¹.

А. В. Десницкая дает развернутое изложение взглядов, бытовавших в среде Института языка и мышления АН СССР с середины 30-х годов. Этот период изучения стадильной типологии строя предложения в истории так называемого «нового учения о языке» автор называет «мещаниновским», поскольку «ссылки на конкретные положения лингвистической теории самого Н. Я. Марра приобретали все более и более формальный характер, а его методом лингвистического анализа... в сущности уже никто не пользовался» (с. 14, примеч. 11). Она подчеркивает неоднократно, что сам И. И. Мещанинов стремился изучать внутриязыковые явления, опираясь непосредственно на языковые данные.

Ознакомление с обзором деятельности одной из групп ленинградских языковедов в 30—40-е годы, предпринятым одним из ее участников, будет весьма полезным и для будущих историков науки о языке, и для молодых лингвистов 80-х годов. Однако, с нашей точки зрения, следовало бы более четко выделить два момента, которые автор, правда, называет, но не акцентирует. Во-первых, важно подчеркнуть, что в центре интересов в рассматриваемый период стоял синтаксис, тогда как западные ученые вплотную подошли к изучению последнего лишь в конце 50-х годов после детального обследования морфологии² и фонологии. Во-вторых, семантике слов, словосочетаний и предложений придавалось большое значение. В наиболее развернутом и, в известной степени, итоговом виде роль семантики

¹ Автор уделяет также внимание (с. 41—49) работам, написанным после 60-х годов по эргативному прошлому и.-е. языков (А. Н. Савченко, Вяч. Вс. Иванов) и по типологии (Г. А. Климов), рассматривая их как продолжение линий, намеченных в 30-е годы.

² Заметим, что анализ типологически сходного материала палеоазиатских и америндейских языков шел в 40-е годы в противоположных направлениях: в США от фонологии и морфологии к синтаксису и от него к проблеме соотношения языка и мышления, тогда как для советских языковедов именно эта последняя проблема являлась исходной для синтаксической типологии.

обрисована И. И. Мещаниновым в его книге «Члены предложения и части речи» (1945), где уже в предисловии сказано: «Семантика слова в известной степени обуславливает его роль в предложении» [2, с. 4], а ниже говорится: «Слово имеет свою семантику и с нею вступает в строй предложения, где получает семантическое уточнение или сам..., или добавлением к нему в этих целях используемых слов» [2, с. 111]. В трудах представителей школы И. И. Мещанинова проблема соотношения синтаксиса и семантики была поставлена в связи с анализом конкретного материала языков различных систем.

В связи с поднятыми в книге А. В. Десницкой проблемами весьма важно, как нам кажется, затронуть один серьезный вопрос истории советского языкознания. Речь идет об отношении к так называемому «новому учению о языке», созданному Н. Я. Марром. Критическая оценка основных идей этого учения — надстроечного характера языка и его классовости, стадийности³ и четырехэлементного анализа — была дана в период дискуссии 1950 г. Однако следует признать, что само это учение не было однородным, и после кончины Н. Я. Марра в 1934 г. пошло иным путем, т. е. в процессе синтаксических исследований наметился переход сначала к стадийной, а затем к исторической типологии. Он явственно прослеживается при сопоставлении книг самого И. И. Мещанинова, вышедших в 1936, 1940 и 1945 годах. В последней из этих книг идеи марризма фактически отсутствуют. Хотя сам И. И. Мещанинов в предисловии пишет, что работа представляет собой развитие взглядов его учителя, достаточно просмотреть научный аппарат сводок⁴, чтобы сделать вывод о перерыве в развитии идей. А. В. Десницкая называет это в сущности особое направление «мещаниновским вариантом», и с этим нельзя не согласиться. Среди наиболее ценных особенностей этого направления следует назвать разработку грамматики разнотипных языков и впервые осуществленное обоснование семантических принципов синтаксической типологии, рассматриваемой в историческом плане.

В первой главе рецензируемой книги А. В. Десницкая дает анализ ряда работ по индоевропейские зарубежные и советские ученые, а затем предлагает отдельные главы из своего неопубликованного исследования 40-х годов «Развитие

категории прямого дополнения в индоевропейских языках». Фрагменты этого труда частично публиковались ранее, но собранный воедино и дополненный материал позволяет впервые представить взгляды автора в целом. Анализируемый обильный языковой материал и общая концепция не могут не заинтересовать читателя 80-х годов, когда на первый план стали выступать проблемы соотношения предметных и признаков слов, имен и предикатов, пропозиций и валентностей, актантных и тема-рематических связей, т. е. соотношения синтаксиса и семантики⁵.

Отвергая гипотезу об эргативном пропелом и.е. языков, А. В. Десницкая сосредоточила внимание на категории прямого дополнения, в которой «как в фокусе, сходились линии грамматико-семантических явлений, определивших специфику номинативного строя в его отличии от других типов синтаксического строя, в частности от эргативного» (с. 49). Этот анализ проведен прежде всего на материале архаичного языка гомеровской «Илиады», поскольку древнегреческий язык несколько отклонялся по специфике значений и функций винительного падежа от обычного для и.е. языков нормы более поздних эпох [о винительном падеже автор пишет, что «широта его функций как падежа ближайшего, непосредственного дополнения при глаголе вообще, граничит с различными типами обстоятельного употребления» (с. 87)]. В этом свете убедительно доказывается, что семантика винительного падежа первоначально была обстоятельно-определяющей, а не объектной. Следовательно, функция прямого дополнения при переходном глаголе является вторичной, причем пережиточно сохраняются и обстоятельные функции. Специализация винительного падежа как объектного связывается с выделением особых формальных показателей у слов, обозначающих вовлеченный в действие объект при глаголах глобальной семантики, которые первоначально были нейтральны по отношению к транзитивности. Иными словами, в так называемых «абсолютных», или нейтральных, формах сохраняется более архаичный характер винительного падежа, восходящего «к неформальной, именной основе, использовавшейся некогда в обстоятельно-наречной функции» (с. 119).

Кроме греческого, А. В. Десницкая привлекает данные других языков, в частности, так называемый «объектный падежный» в готском и исландском, и эпизодически касается иносистемных языков, где также нет формальных различий между прямыми и косвенными объектами и обстоятельными формами. Автор показывает, что в древних германских языках

³ Если отбросить постулировавшийся Н. Я. Марром революционный скачок при смене языковых стадий, сама идея стадийности не содержит в себе ничего противоречащего фактам языкового развития: ее отстаивали такие ученые, как А. А. Потебня, А. Мейе и др.

⁴ В этой книге есть ссылки на труды Г. Пауля, А. Мейе, О. Есперсена, Ф. Брюно, Э. Сепира, Ж. Вандриеса, Б. Дельбрюка, А. А. Потебни, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы и советских исследователей языков народов СССР, среди которых один раз упоминается и работа Н. Я. Марра, посвященная грамматике древнелитературного грузинского языка, но не его общие труды.

⁵ Достаточно сопоставить широко используемое ныне деление глаголов на процессные и стативные с выводами более ранних исследований, посвященных залоговым категориям, о значениях действия и состояния как исходных для системы глагола в и.е. языках (ср. с. 47—48 рецензируемой книги).

дательный конкурировал с винительным в объектных функциях (в частности, в функции прямого дополнения, например, в др.-исландском с глаголом *unna* «любить» объект стоял в дат. падеже: *Egill unni Þordisi* «Эгиль любил Тордис») и имел также обстоятельственные значения. Сопоставление греческого оригинала с готским переводом раскрывает эквивалентность греческого винительного и готского объектного дательного. Рефлекс такого же состояния обнаруживается весьма ярко в исландском языке, где многие глаголы сохраняют унаследованное от более древних этапов абсолютное значение, конкретизируемое объектным дательным, т. е. формой косвенного падежа, (например, глаголы *taka* «брать», *kasta* «бросать», *halda* «держаться»).

Превращение категории переходности из лексической в грамматическую сопровождалось, как известно, выделением страдательного залога, т. е. коренной перестройкой принципов организации синтаксических структур. Если подойти к этим процессам с позиций современной функциональной грамматики, то мы бы сказали, что сформировалась возможность ставить слова, обозначающие объект действия, в позицию темы, а слова, передающие значение производителя действия, убирать с этой позиции или даже вообще исключать из текста. Таким образом, стало возможным превращать объект действия в исходный пункт высказывания, причем слово, его обозначающее, ставить в именительном падеже, а не в винительном, исконно «предназначенном» для его выражения. Дальнейшая специализация компонентов ремы выразилась в закреплении формальных показателей, дифференцировавших типы дополнений и обстоятельств [3].

В двух следующих частях рецензируемой книги А. В. Десницкая исходит из современных представлений в области типологии, ареальной лингвистики и социологии языка, хотя и в них учитывается богатейший материал традиционной индоевропеистики. Наряду с классической гипотезой о богатстве флексий в позднем общиндоевропейском состоянии (с. 177—178 и др.) и наличии в нем развитой сети диалектов широко учитываются сходства языков в рамках балканского языкового союза и воздействие субстратных явлений. Важно также то, что фонетические процессы обретают в книге морфологическое истолкование, и то, что происхождение индоевропейских флексий трактуется не как результат агглютинации, а как отражение действия морфологических процессов.

Вторая часть книги открывается главой об истоках советской кельтологии. Следует отметить тонкие наблюдения автора, касающиеся причин повышенного интереса к исследованию языков, литературы и истории кельтских народов. Несомненно, что экспансия кельтских племен в VI—II вв. до н. э. на территории от Пиренейского п-ова до Малой Азии наложила свой отпечаток на всю дальнейшую общественно-политическую историю большей части Европы, наталкивая историков, археологов и этнографов на поиски

«кельтских корней». С другой стороны, кельтские литературы очевидным образом повлияли на формирование новых европейских литератур, и, кроме того, они сами по себе представляют интереснейший предмет исследования. Ирландская литература, например, уступает по объему лишь древнегреческой и римской, а древнеирландские саги, по образному определению К. Джексона, являются «окном в железный век» [4]. Для лингвистов кельтские языки с их структурой, столь отличной от «среднеевропейской стандарты», несомненно представляют заманчивый объект исследования.

А. В. Десницкая отмечает большую роль, которую сыграли в привлечении внимания к кельтским литературам у нас в стране акад. А. Н. Веселовский и, особенно, А. А. Смирнов. Переводы древнеирландских саг, сделанные последним, долгое время стимулировали интерес к кельтам и их языку (ср., например, работы В. Н. Ярцевой [5, 6]).

В следующей главе А. В. Десницкая ставит очень важный вопрос — каким образом соотносятся крайне своеобразные структуры островных кельтских языков с той общиндоевропейской моделью, которая довольно надежно реконструируется современной наукой. Автор совершенно обоснованно отказывается видеть в таком развитии лишь влияние доиндоевропейского субстрата (в духе Ю. Покорного или Г. Вагнера), поскольку «вряд ли правомерно говорить о неиндоевропейском характере своеобразных черт кельтских языков» (с. 173). Она обращается к материалу древних кельтских языков — галльского, кельтиберского и леопонтийского, в которых эти черты гораздо менее заметны. Памятники континентальных кельтских языков, обнаруженные за последние полтора десятилетия, показывают, что в них была классическая семнадцатая система склонения, свободный порядок слов в предложении и отсутствовали система чередований начальных согласных, перегласовок и прочих изменений ассимилятивного характера. А. В. Десницкая справедливо отмечает, что коренные преобразования древней системы характерны и для других и.-е. языков первого тысячелетия н. э. — народной латыни, германских, албанских и др. Интенсивные процессы перестройки фонетической и морфологической систем также падают на IV в. н. э. в бриттском и на V—VI вв. н. э. в ирландском. Ускоренный, «лавиннообразный» темп языковых изменений в островных кельтских языках представляется возможным связать и рядом общественно-исторических факторов — интенсивными миграциями различных племен, христианизацией, развалом римской администрации в Британии, нашествием англосаксов и последовавшими за ним войнами. Параллельность развития многих процессов в языках Британских островов предпочтительнее рассматривать не как латентное воздействие субстрата, а в терминах языкового союза и ареальной конвергенции с учетом тесных контактов между носителями языков. Автор подчеркивает, что ряд кельтских черт находит объяснение при сопоставле-

нии с ранней историей других и.-е. языков (использование морфонологических средств при перестройке флексивной структуры, типы словообразования, синтаксические модели и др.).

Далее в книге следуют главы, посвященные албанскому языку, история которого трактуется с учетом не только исторических, но и социальных отношений соответствующих эпох (с. 180, 266—267, 289 и др.). Это позволяет на новом материале еще раз продемонстрировать неразрывную связь внешней и внутренней лингвистики. Автор подчеркивает, что для и.-е. языкознания проблема соотношения албанского с родственными языками «имеет два аспекта: 1) собственно генетические связи и 2) связи, обусловленные историческими контактами древнейшей поры» (с. 211), т. е. до переселения праалбанцев на Балканы. В свете ареальной лингвистики А. В. Десницкая констатирует, что Балканский п-ов заселялся племенами — носителями и.-е. языков, пришедшими с севера, а албанский язык продолжал непрерывную линию развития одного из языков центрального индоевропейского языкового ареала. Особо подчеркивается важность изучения диалектов албанского языка, сохраняющих древние черты, поскольку его письменные памятники датируются лишь с XV в. н. э. Автор предлагает классификацию албанских диалектов.

Рассмотрение проблем истории албанского языка А. В. Десницкая начинает с исследования соответствий древних балканских и балтийских языков по данным фракийского, дакийского и иллирийского ономастических ареалов (топонимика и гидронимика), свидетельствующих не только о доисторических языковых контактах носителей этих языков, но и о происхождении последних из одной области. Можно вступить в полемику с автором по отдельным частным примерам или по более общим соображениям, но несомненно, что в рецензируемой книге впервые в нашей стране наиболее полно представлен материал по истории албанского языка, а также его связям с другими языками. Поскольку о палеобалканских языках прямых сведений нет, а косвенные данные весьма скудны, историко-типологические реконструкции из истории албанского языка и его диалектов выступают в роли единственных «свидетелей» прошлого.

Весьма интересны общие изоглоссы албанского и балтийских языков, иллюстрируемые на примере этимологии слов со значениями «болезнь», «время», «год», «серый», «мальчик» и др. Следует отметить также фонетические соответствия, сходные деривационные модели, общность некоторых элементов парадигм именного склонения не только в указанных языках, но и в восточнороманских. Инновацией древнеалбанского языка является утрата категории среднего рода, изоглосса исчезновения которой охватывает протяженный ареал от балтийских языков на севере до поздней латыни и романских языков на юге: «Албанский язык, происходящий от какого-то из языков палеобалканской области, составляет в этом

отношении как бы промежуточное звено», — отмечает автор (с. 209). Она также вызывает предположение, что исходным моментом для «ослабления» категории среднего рода могло быть соотношение с возникшей в албанском языке категорией собирательности, «принявшей на себя определенную часть значений и функций среднего рода» (с. 210; см. [7]).

Центральный характер албанского языка выявляется, по мнению А. В. Десницкой, также в наличии переходных признаков, прослеживаемых от востока к западу (совпадение в кратком а в.-е. краткого *o и краткого *a, отражение звонких аспирированных смычных как простых смычных и, наконец, «непоследовательная сатемность»).

Далее в книге рассмотрены древние германо-албанские связи, продемонстрированы соответствия в лексике и предложен ряд новых этимологий (например, алб. *tund* «мочь, быть в силах, побеждать» и др.-англ. *tund*, др.-в.-нем. *tunt* «рука, защита», др.-исл. *tund* «рука»). Особо выделены слова экспрессивной лексики, в которых возможно нарушение закономерностей звуковых чередований. Автор отмечает ряд соответствий, характерных не только для албано-германского, но и для итальянского ареалов, например, преобразование количественных чередований в качественные в системе глагола, преобразование индоевропейских перфектных и аористных форм в единую парадигму претерита, наличие двух типов спряжения («сильного» и «слабого»). В германо-албанском ареале обращают на себя внимание и процессы ассимилятивного варьирования в вокализме ударных слогов, получившего морфонологическую значимость — аблаут и умлаут, причем последний трактуется не как остаток общего индоевропейского наследия, а как пример типологического параллелизма развития языковых структур в относительно позднее время. Однако, как пишет сама А. В. Десницкая, «когда дело касается генетических родственных языков, типологические сходства, особенно, если они имеют столь специфический характер, не должны быть отнесены к разряду случайных совпадений» (с. 239). Иными словами, есть основания предполагать наличие более глубоких индоевропейских фонетических тенденций.

Методически весьма важной представляется глава о некоторых вопросах изучения ранних периодов истории албанского языка. В ней предлагается периодизация истории и рассматриваются методы реконструкции этапов эволюции вплоть до появления письменных памятников. При реконструкции прото- и праалбанского состояния (II—I вв. до н. э.), очевидно, необходима ориентация на восстановленную праиндоевропейскую модель, которая становится естественной точкой отсчета. Древнеалбанский период (от последних веков до н. э. до конца I тысячелетия н. э.) и среднеалбанский период (от начала II тысячелетия до конца XVI в., т. е. времени появления письменных свидетельств) могут быть воспроизведены в общих чертах с помощью метода внутренней реконструкции, хотя

на полноту картины рассчитывать не приходится. В изучении исторической фонетики особая роль отводится анализу заимствований из латыни в древнеалбанский. Совмещение данных относительной хронологии с абсолютной датировкой возможно при тщательном поиске и изучении албанских топонимов и имен собственных в латинских и греческих текстах I — начала II тысячелетия н. э. Можно отметить, что подобная работа на материале британских языков позволила К. Джексову [4] установить очень точную и надежную относительную и абсолютную хронологию важнейших фонетических изменений с I по XII вв. н. э. при практически полном отсутствии текстов I—VIII вв. Подобная реконструкция других уровней языковой системы вряд ли возможна. Из отмеченных автором морфологических изменений (регенерация системы падежных флексий, утрата дифференциации типов склонения по основам с заменой различий по двум грамматическим родам и др.) для древнеалбанского периода весьма существенно развитие противопоставления основ единственного и множественного числа (с. 246—247), находящее точное соответствие в истории ирландского языка: показатели множественного числа образуются из старых флексий и основообразующих формантов в результате переразложения. Отмечается также упорядоченность фономорфологических типов именного склонения в ряде современных ирландских и шотландских (кельтских) диалектов, что лишний раз свидетельствует о значительном параллелизме в эволюции различных «ювых» и.-е. языков. К этой тематике примыкает и глава о диалектологии как основе изучения истории албанского языка, поскольку диалекты, в некоторых случаях сильно разошедшиеся, являются ценным источником для реконструкции этого языка. Сравнительный анализ гегских и тоскских диалектов позволил объяснить возникновение такого явления, как тоскский ротаизм, еще в первом тысячелетии н. э.

Читая книгу А. В. Десницкой, легко понять, что соотношение архаизмов и инноваций в различных современных диалектах может быть выведено из корреляции диалектных языковых фактов и историко-географического контекста. Наряду с этим самого пристального внимания заслуживают такие источники разнообразнейших архаизмов, как устно-поэтическое койне и язык памятников обычного права. Именно в эпическом и юридическом языках можно ожидать консервации как лексических, так и синтаксических архаизмов, что наблюдается, например, в таких различных традициях, как хетская, латинская и славянская. Наддиалектное койне эпоса, видимо, может предоставить весьма ценный материал для реконструкции общеевропейского поэтического языка. В свою очередь динамика диалектного дробления в исторически хорошо документированный период сможет облегчить задачу по реконструкции истории носителей албанских диалектов в наиболее «темные» периоды I тысячелетия н. э. В целом можно отметить, что главы по истории албанского

языка дополняют концепцию А. В. Десницкой, содержащуюся в ее предыдущих работах.

Третья часть книги, названная «Balsanica», открывается анализом сходства фонетической эволюции некоторых албанских и восточнороманских диалектов, известной под именем «палатализация губных» в сочетаниях типа [b], [p]. По мнению А. В. Десницкой, однако, это явление представляет собой не что иное, как преобразование [j] в среднеязычный смычный с последующим отпадением губно-губного смычного.

Несколько разделов этой части посвящены анализу балканской лексики. Показано, что часть пастушеской лексики в дако-романских языках является заимствованной из албанского, диалекты которого насыщены терминами овцеводства и переработки молока. Ряд балканизмов обнаруживается в лексике карпатского ареала, где наличествуют романские термины горнопастбищного скотоводства и пастушеского быта, часть которых имеет албанское происхождение (то же относится и к ряду топонимов). Отмечено, однако, что не все этимологии ясны, хотя бесспорен факт миграций терминов балканского пастушества. Анализ эволюции значений просторечного латинского слова *bissa* «щека; кусок пищи, принимаемый за один раз; рот» в западной Романии, где за его рефлексам сохранилось последнее значение, и в восточной Романии, где закрепилось значение «пища, хлеб» (например, в румынских диалектах), позволил показать пути распространения его на восток через Карпаты в восточнославянские языки (ср. белорусск. *букатка* «каравай хлеба» и зарегистрированное В. Далем в саратовских говорах русского языка *бука́та* «булка»). В албанском соответствующее заимствованное слово тоже имеет значение «хлеб; еда».

В качестве последнего раздела рецензируемой книги предложено интересное исследование группы семантически связанных балканских элементов в русской народно-обрядовой лексике, возникших в результате контакта восточных славян с придунайским населением этнокультурного балканского ареала (конец I тысячелетия н. э.): *коляда, кутья*—*коливо, кулич, багать* (укр. *багаття*), *ватра*—*ватрушка, карачун, русалка, кум*.

В книге А. В. Десницкой представлен весьма разносторонний и очень информативный материал, обогативший науку о языке. Некоторые издательские опечатки (с. 78, 80, 124, 153, 160, 235, 241, 246, 257, 287), хотя и досадны, но не умаляют значимости самого труда, который, безусловно, должен явиться стимулом для дальнейших исследований в таких областях, как албанистика, кельтология, индоевропеистика, историческая типология, ареальная лингвистика, теория и история языкознания.

Королев А. А., Слюсарева Н. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климов Г. А. Типологические исследования в СССР. 20-е — 40-е годы. М., 1981.

2. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.— Л., 1945.
3. Ли Ч. Н., Томпсон С. А. Подлежащее и топик: новая типология языков.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
4. Jackson K. Language and history in early Britain. Edinburgh, 1953.
5. Ярцева В. Н. Синтаксис инфинитива в древнеирландском языке.— Уч. зап. ЛГУ, 1940, № 58.

6. Ярцева В. Н. Древнеирландский и другие кельтские языки в системе индоевропейских языков.— Уч. зап. ЛГУ, 1940, № 60.
7. Десницкая А. В. Категория собирательности и категория массы в истории грамматического строя албанского языка.— В кн.: Грамматический строй балканских языков. Л., 1976.

Кузьмина С. М. Теория русской орфографии. Орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. — М.: Наука, 1981. 265 с.

Как связаны между собой русская орфография и язык? Решение этой проблемы имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. От него зависят и успешная разработка методики преподавания, и пути усовершенствования русской орфографии. Поэтому хочется обратить внимание всех, кто заинтересован в решении этих задач, на рецензируемую работу, в которой отношения между русским языком и его орфографией (в пределах той ее части, которая определяет выбор букв для передачи словоформ) описаны с наибольшей полнотой и последовательностью.

В описании отношений между орфографией и языком автор последовательно исходит из теории Московской фонологической школы. Идеи фонематического принципа русской орфографии, выдвинутая основоположниками этой школы, послужила отправным пунктом для многих теоретических исследований и практических рекомендаций в области русской орфографии. Но исчерпывающее описание отношений между русским письмом и фонологической системой современного русского литературного языка впервые дается в книге С. М. Кузьминой.

Фонологический подход проявляется в этой книге не только в трактовке орфографических правил, но и в определении самого понятия орфографии. Сопоставляя различные точки зрения на место орфографии в системе письма, автор выдвигает свое понимание орфографии как совокупности правил использования букв для обозначения фонем в отличие от суперорфографии, т. е. правил использования «суперорфографических» средств (прописных и строчных букв, пробелов и дефисов), а также нероглифики, т. е. правил использования цифр и других нероглифических знаков. Я думаю, что такое деление разумно, потому что для правильного использования каждого из выделенных типов средств нужны совершенно разные правила, учитывающие различный комплекс сведений о языке.

Главной задачей автора была разработка полного перечня правил перехода от фонем к буквам. Но в непосредственном наблюдении нам даны не фонемы, а звуки. Поэтому правилам перехода от фонем к буквам (собственно орфографическим

правилам) предпосланы в книге правила перехода от звуков к фонемам.

Такой двухступенчатый переход от звучащей речи к письменной отвечает фонематической природе русского письма (буквами передаются фонемы, а не звуки) и позволяет, как справедливо замечает автор, «четко отграничить проблемы написания от проблем иного порядка» (с. 17), что очень существенно для кодификации орфографических норм.

Правила перехода от звуков к фонемам и от фонем к буквам построены С. М. Кузьминой однотипно (в той мере, в какой это допускает сам характер правил). Они даны в виде таблиц, где для каждого правила указаны все те (и только те) условия, которые существенны для определения фонемы (в первой категории правил) или выбора буквы (во второй категории правил), причем условия эти классифицированы и помещены в соответствующих графах, так что сразу виден характер обусловленности применения того или иного правила. Индивидуальные условия графически выделены. В последней графе приводятся примеры.

Такое построение достаточно наглядно и удобно для сопоставления различных правил по тем или иным параметрам. Поэтому читатель получает возможность самостоятельно проверить наблюдения и выводы, которые делает автор на основании анализа каждой категории правил. Так, например, построение собственно орфографических правил позволяет сопоставить их по количеству буквенных соответствий одной фонеме (или гиперфонеме), по регулярности применения, по характеру условий, существенных для разных правил.

Оценивая различные правила по указанным параметрам, автор выделяет основные и неосновные буквенные соответствия. Орфографические трудности связаны именно с неосновными буквенными соответствиями, а степень этих трудностей зависит от количества условий, которые определяют выбор букв (чем больше условий приходится учитывать, тем труднее правило), и от того, насколько регулярно используются эти условия в правилах перехода от фонем к буквам (уникальность условий делает правило более трудным).